

УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ И «ПАРИЖСКАЯ НОТА» (К ИСТОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА А. М. РЕМИЗОВА С ЖУРНАЛОМ «ЧИСЛА»)

Воскресная «школа» в Булони

Феномен журнала «Числа» в значительной степени был отрефлексирован его непосредственными участниками и критиками еще «при жизни» издания, а вслед за ними изучен историками литературы новейшего времени.¹ Эстетика и содержание недолговечного проекта (1930–1934) определялись творческими амбициями младшего поколения первой волны русской эмиграции. Их называли «молодыми», хотя к выходу последнего, десятого, сборника многим из них, по уточнению современника, — «уже перевалило за сорок».² Жизненная перспектива этой небольшой группы начинающих поэтов, писателей и критиков, несмотря на родовую принадлежность к русской культурной традиции, определялась европейскими интеллектуальными ценностями. Столица Франции стала местом расцвета их таланта, и в экзистенциальном плане — перманентной «пограничной ситуацией» жизненного выбора. На страницах «Чисел» этот модус самосознания получил (первоначально в отношении поэтов) метафорическое определение — «парижская нота».³

Журнал мыслился как молодежное издание, однако «литературные дети» нуждались в опыте и поддержке писателей русской дореволюционной формации. Несомненным подтверждением признания числовцами литературных авторитетов служит фотография авторского коллектива, отснятая в 1934 году по случаю пятилетия «Чисел»: в среднем ряду справа расположились «старшие» сотрудники, в разной мере успешно оказывавшие влияние на редакционную политику, — Д. С. Мережковский, Г. В. Адамович, З. Н. Гиппиус, Г. В. Иванов. Публикация этого исторического свидетельства в десятой книге совпала с завершением издания.

Накануне фотосессии главный редактор Н. А. Оцуп отправил А. М. Ремизову письмо, по-видимому потеряв с ним связь с осени прошлого года, когда от писателя было получено извещение о смене его места проживания:

«Дорогой Алексей Михайлович,

Давно искал Ваш адрес. Хотел поблагодарить за интереснейшую книгу о Тургеневе,⁴ о кот<орой> будет написано в ближайшей книге „Чисел“. Затем спросить, нет ли чего-н<и>б<уд> для нас, главным образом, заметок, с прозой для этой книги поодно.

¹ Начало научного осмысления феномена «Чисел» было положено в специализированном выпуске «Литературного обозрения» (1996. № 2), в котором собраны исследовательские работы и републикации основных статей числовцев. Большая собирательская работа материалов рецепции современников и позднейших исследователей проведена на сайте «Эмигрантика»: <https://emigrantika.imli.ru/rusparis/343-rom>; дата обращения: 15.10.2023.

² Цит. по: Оцуп Н. Современники. Paris, 1961. С. 119. См. также о судьбе младших эмигрантов: Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М., 2010. С. 18.

³ Фундаментальной для понимания поэтического творчества числовцев остается статья: Коростелев О. А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Коростелев О. А. От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб., 2013. С. 303–345. Ср. также утверждение современника в связи с кончиной Г. Адамовича: «Новая проза, публицистика, философия, теология — все носило на себе следы благословенной „парижской ноты“» (Яновский В. С. Ушел Адамович // Новое русское слово. 1972. 26 марта. № 22566. С. 5).

⁴ Речь идет об издании: Remizov A. Tourguéniev, poète du rêve / Trad. H. Pernot-Feldmann. Paris, 1933.

Теперь просьба и пожелание. Завтра, в Воскресенье, в отеле Baltimore (88 bis, Av. Kléber) снимаются по случаю юбилея „Чисел“ все сотрудники. *Очень* порадуете, если придете в 4 ½ часа.

Затем шлю сердечный привет Вам и Серафиме Павловне.

Ваш Оцуп».⁵

Ремизова на историческом фотоснимке мы не обнаружим.⁶ Только новонайденные материалы его личного архива существенно дополняют официальную историю «Чисел», в которой оказалось недооцененным истинное положение писателя в кругу творческой молодежи. Причина, почему роль Ремизова в «Числах» осталась незамеченной и, более того, затерянной в его личной переписке и отдельных высказываниях критиков, на наш взгляд, кроется в тактике литературного поведения писателя, выработанной в эмиграции. Не стоит сбрасывать со счетов также явные и неявные усилия упомянутых выше «кураторов» журнала — Гиппиус и Адамовича, дезавуировавших его литературное влияние.

Нам уже приходилось исследовать участие Ремизова на правах как негласного, так и официального члена редколлегии новых повременных изданий («Благонамеренный», «Версты», «Ухват», 1926–1927), программные установки которых обозначили в ландшафте русского зарубежья смену литературных поколений. Особый вклад писателя состоял в открытии новых литературных имен, появившихся в эти годы по обе стороны границы. Непримиимой противницей инициатив, опирающихся на идею неделимой по политическому признаку русской литературы, выступила Гиппиус, обвинившая лично Ремизова в идеологической дезориентации младших писателей-эмигрантов. Это мнение разделили И. А. Бунин, В. Ф. Ходасевич и группа начинающих литераторов из журнала «Новый дом» (1926–1927).⁷ Публичная травля не обратила Ремизова в изгоя, но из чувства самосохранения он с тех пор тщательно скрывал свое участие в литературно-общественной жизни русской творческой диаспоры.⁸ Его колоритная личность представляла собой интерес для некоторой части вступивших в конце 1920-х годов на стезю литературного труда. С точки зрения этой молодежи Ремизов среди старшего поколения оказался едва ли не единственным, кто за годы эмиграции проявил внимание к тенденциям современности, значительно преобразовав устоявшиеся в дореволюционном прошлом собственные авторские стратегии, направленные на обновление повествовательной формы и переосмысление канонов художественности в книгах «Кукха. Розановы письма» (1923), «Взвешенная Русь» (1927), «Оля» (1927), «По карнизам» (1929), «Три серпа» (1930), «Образ Николая Чудотворца: Алатырь — камень русской веры» (1931).⁹

⁵ Amherst College. Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1. Box 7. Folder 2. Далее — Amherst, с указанием шифра. Настоящее письмо датируется по содержанию 17 марта 1934 года. Курсивом выделено слово, подчеркнутое отправителем.

⁶ В середине 1990-х годов один из участников журнала «Числа», обращаясь к фотографии 1934 года, написал серию мемуарных очерков, посвященных числовым, среди которых выделил и Ремизова. Опубликованный текст представляет собой единственный в рецепции современников случай соотнесения имени Ремизова с коллективом этого, по преимуществу молодежного издания. Теплые воспоминания о писателе начинались словами: «Немало было в „Числах“ и чудачков — и первым был, конечно, незабвенный Алексей Михайлович Ремизов...» (Чиннов И. О «Числах» и «числовцах» // Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980-е годы. По материалам архива И. В. Чиннова / Сост. О. Ф. Кузнецова. М., 2003. С. 237).

⁷ См.: Обатнина Е. Р. Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая. «Эстетический разлом» // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 8–53.

⁸ См.: Обатнина Е. Р. К истории русской зарубежной печати: идейный вектор журнала «Ухват» — неявное и очевидное // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 278–303.

⁹ Потребность молодых в некоем творческом образце, в частности, подтверждается высказыванием: «Младшее поколение инстинктивно тянется к писателям, которые, так или иначе, возмещают приход обновленных литературных форм — соответствующих измененной психике и измененному художественному вкусу послевоенной и послереволюционной переходной эпохи» (Слоним М. Литературные поколения // Новая газета (Париж). 1931. 1 Avril. № 3. С. 1).

Фактическое сближение Ремизова с числовцами осуществлялось незаметно. Сопоставим два события литературной жизни Парижа, относящиеся к началу 1930 года. В феврале вышла в свет первая книга «Чисел».¹⁰ В конце месяца имя главного редактора журнала Оцуа промелькнуло в объявлении о предстоящем литературном вечере, посвященном творчеству Ремизова в группе «Кочевье». Здесь же была анонсирована программа: «Со вступительным докладом Б. Сосинского. В прениях примут участие: Г. Газданов, Ф. Грешищев, И. Н. кн. <sic> Голенищев-Кутузов, И. Козлок, Н. А. Оцуп, М. Л. Слоним, М. И. Цветаева».¹¹

Как немного позднее описывала жизнь литературных объединений этой поры писательница Н. Д. Городецкая, молодые прозаики и поэты Парижа охотно взаимодействовали между собой, независимо от эстетических разногласий,¹² касающихся, главным образом, поэтического языка.¹³ Существенно были размыты и границы сотрудничества молодых авторов в созданных ими органах печати. Например, «Новая газета», учрежденная Слонимом, и «Числа» Оцуа, не выказывая непримиримых противоречий, вступали в перекрестные обсуждения одних и тех же профессиональных и общественных проблем.¹⁴ Примерно схожими были и литературные ориентиры. По утверждению Городецкой, «хороший тон требовал от беллетриста отталкивания от Бунина и подражания Ремизову».¹⁵ Аналогичное заключение сделала и другая представительница молодежных объединений. Согласно опубликованному отчету о собрании в таллинском Литературном кружке, приехавшая из Брюсселя З. А. Шаховская в своем публичном выступлении под названием «Молодая русская литература (эмигрантская и советская)», «говоря о старших писателях зарубежья, указала, что Ив. Бунин на молодежь влияния не оказывает. Ближе к младшему поколению стоит А. Ремизов...».¹⁶

После переезда в Париж осенью 1923 года в ремизовский круг постоянного общения вошли знакомые с ним еще по Берлину начинающие писатели — В. Андреев, Д. Резников, Б. Сосинский, А. Бахрах и С. Шаршун. Позднее к ним присоединился редактор журнала «Воля России» Слоним. В период с 1927 по 1934 год эта компания, нацеленная на преодоление конфронтации с литературой современной России,¹⁷ зна-

¹⁰ Дату выхода из печати см. в сообщении на обороте титульного листа в первом номере журнала.

¹¹ [Б. п.]. Кочевье. Лекции и собрания // Возрождение. 1930. 27 февр. № 1731. С. 4. Упомянутые Ф. Грешищев, И. Козлок являлись героями ремизовских печатных мистификаций. См. об этом: Грачева А. М. Литературные мистификации А. М. Ремизова 1940-х годов // Русская литература. 2019. № 4. С. 191–199; Обатнина Е. Р. Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть вторая. Были и небыли парижских будней // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 27. Ср. также сообщение о вечере 27 февраля из «Последних новостей»: «Литературная группа „Кочевье“ анонсировала проведение в зале Географического общества вечера, посвященного творчеству Ремизова. В заявленной программе: вступительный доклад Бр. Сосинского. Тезисы: 1. Ремизов и читатель; 2. Общий обзор литературной жизни Ремизова (1902–1930 гг.); 3. Общий характер творчества. Формальный разбор; 4. Апокрифы. Сказка и действо; 5. Общие выводы. В прениях наметили свои выступления Н. А. Оцуп, М. Л. Слоним, М. И. Цветаева, В. Н. Ильин» (Beyssac M. La vie culturelle de l'émigration russe en France: Chronique (1920–1930). Paris, 1971. P. 266).

¹² Городецкая Н. «Кочевье» // Возрождение. 1931. 15 марта. № 2112. С. 4.

¹³ См.: Коростелев О. А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции. С. 303–345.

¹⁴ См. об этом: Янгиров Р. М. «Новая газета»: К истории печатного диалога и молодой эмигрантской литературы с художественной культурой Франции // Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу, 1920–1940: Междунар. науч. конф. (Женева, 8–10 дек. 2005 г.) / Сост. и науч. ред. Ж.-Ф. Жаккар [и др.]. М., 2007. С. 431–481. Здесь же приведены цитаты из публикаций этой труднодоступной газеты.

¹⁵ Городецкая Н. «Кочевье». С. 4.

¹⁶ И. И. Литературные доклады // Таллинский русский голос. 1932. 18 дек. № 6. С. 4.

¹⁷ Ср. обращение Слонима к Ремизову, написанное в связи с запуском «Новой газеты»: «Мне очень хочется, чтобы в первом номере <...> была Ваша статья или заметка за Вашей подписью. Важно мне это не только в литературном отношении, но и в „тактическом“: Ваше имя для многих — знак и „символ“ определенного направления: и молодежь, и старики поймут правильно и правильно истолкуют появление Ваше в первом же номере на почетном месте» (Amherst. Series 1. Box 6. Folder 4).

чительно пополнилась единомышленниками и такими же, еще неизвестными поэтами и литературными критиками из нейтральных в идеологическом аспекте объединений «Перекресток» и «Союз молодых писателей и поэтов»: А. Алферов, И. Болдырев (Шкотт), Н. Былов, В. Варшавский, В. Вейдле, Г. Газданов, А. Гингер, И. Голенищев-Кутузов, Л. Гомолицкий, Н. Городецкая, М. Горлин и Р. Блох, В. Диксон, Ю. Иваск, Л. Кельберин, Д. Кнут, Дм. Кобяков, Г. Лозинский, В. Мамченко, Ю. Мандельштам, К. Мочульский, Б. Поплавский, Г. Раевский (псевд. Г. А. Оцуа), В. Смоленский, Ю. Софиев, Б. Очередин, А. Эйсер, З. Шаховская. Не все из перечисленных состояли с писателем в тесном контакте, однако их письма свидетельствуют о сложившихся между ними неформальных взаимоотношениях. За немногим исключением эти литературные имена вошли в список авторского коллектива «Чисел».

Несовместимые с политикой и идеологией, сугубо литературные и философско-эстетические задачи, изложенные в редакционной статье первого номера журнала, не могли не вызвать интереса и даже симпатии Ремизова. Составленный Оцупом краткий «манифест» отражал стремление объективировать новый тип творческого индивидуального сознания, которое обращалось к «вечным вопросам» бытия с тем, чтобы приблизиться к скрытым смыслам жизни современного человека.

Начиная с 1930 года числовцы и их литературные сверстники время от времени стали наведываться в квартиру Ремизова. Путь был не близким: в июле писатель и его жена С. П. Ремизова-Довгелло вынужденно переехали с левого берега Сены в окрестности Булонского леса, по адресу 3-bis, av. J.-V. Clément, Boulogne-sur-Seine. С 1931-го по сентябрь 1932 года встречи приобрели регулярный характер, так что хозяину, называвшему эти сходы «нашествием», пришлось установить приемный день. По воскресеньям, за чайным столом, между рассказами о литературных и бытовых новостях, писатель занимался художественными текстами своих гостей, в совместном разборе обучая писательскому ремеслу.

Разрозненные упоминания о встречах с молодыми литераторами находим и в некоторых письмах Ремизова к С. П. Ремизовой-Довгелло:

«18. V. <19>30
Воскресенье

А в 9-ь ч<асов> пришел Голенищев-Кутузов. И просидел до 12¼. Больше никого не было. И это очень хорошо. <...> И хотя сидел он один и разговаривали на ученые темы, а чего-то хочется спать — или из-за холода».

«24. VI. <19>32

Алферов пришел ½ 10-го. <...>. Он принес рассказ — для него это важнее. <...>. Рассказ большой из здешней жизни. Любовный. Очень хорошо написан — стилем действующих лиц. Завтра его будет читать».¹⁸

«29. VI. <19>32
9 ч<асов> у<тра>

Газета и письмо от Оцуа, что послал „Числа“ № 6.

<...>. Было письмо от Очередина. Спрашивает, если не придет в воскресенье, можно ли в пон<едельник>, втор<ник> или среду? Я ему отвечаю, *только* в воскресенье. В будний день вечером с одним человеком сидеть, много очень времени тратить. Послал тебе „Числа“ — дорогой считаешь, все-таки интересно».

¹⁸ Писательское дарование «неведомого решительно никому» Анатолия Александровича Алферова (1904–?), дебютировавшего в «Числах» с рассказом «Дурачье», отметил постоянный рецензент журнала, с оговорками признав, что журналу «принадлежит „честь его открытия“» (Адамович Г. «Числа». Книга 7–8 // Последние новости. 1933. 19 янв. № 4320. С. 2).

<...> ушли (последние) около 12-и. Поставил „самовар“ и чаю выпил с баранками. Для гостей купил бискот, почти все подобрали. В кухне чисто — опять М-ме Вейдле с Алфер<овым> и Очерединым вымыли.

Первый в 9 ч<асов> Бахрах и Голенищев<-Кутузов>. Бахрах не берет денег за переплет, что это тебе от него — а задержал, п<отому> ч<то> переплетчик обманывал, не отвечал, надеялся принести. Голенищев <...> рассказывал о своей диссертации, которую приняли. <...>. Пришли Вейдле <...> и тут же Очередин <...>. И в заключение Алферов с Быловым. Книжку принес „Волчью тропу“. Это плотный, мускулистый, „чернявый“, с выправкой не интеллигента, молчаливый, но не суровый. Женат, сын есть, промывает стекла, но ни у кого не состоит, а сам ведет дело. Разговаривали о Алферовском рассказе, о рассказах Федорова (в Праге), я не читал. Вейдле говорил о построении „Мертвых душ“ по плану Данте (ад (I ч<ась>), чистилище (II ч<ась>), рай (III ч<ась>)). Может, он и прав. <...>. Вот, деточка, какое донесение. Все было тихо. И печально — самые печальные Очередин и Алферов. Но зато Бахрах необыкновенно оживленный. Алферов спрашивал: можно ли привести Смоленского? Все тебе кланяются.¹⁹

Внутри спонтанно образовавшихся взаимоотношений, которые весьма условно можно назвать ремизовской «школой» эмигрантских писателей, родился смыслообраз «учитель музыки», давший название корпусу рассказов об Александре Александровиче Корнетове и его друзьях. Основной метод Ремизова заключался в чтении вслух русской классики, а также образцов древнерусской житийной литературы и деловой письменности.²⁰ Текст, озвученный голосом опытного чтеца, лучше отвлеченных теоретических экскурсов развивал в начинающих писателях, оторванных от родной языковой почвы, способность слышать и понимать как мелодику и ритм аутентичной русской повседневной речи, так и архитектонику литературных произведений.²¹ Под музыкой в этой практике подразумевалось чувство времени и сдвигов истории. Опыт такого рода интуиций был известен по творчеству А. А. Блока, трагический образ которого сформировал идеал поэтического сознания, резонирующего «дух музыки».²²

Просматривается взаимосвязь между формированием эстетики «парижской ноты» и появлением в 1933 году обновленной легенды происхождения ремизовского героя,²³ имя которому, как объяснял писатель в очерке «Чинг-Чанг», «дано было еще в Петербурге в честь Александра Александровича Блока».²⁴ Очерк представлял собой беспрецедентный для Ремизова случай раскрытия автобиографического метода, построенного на игре с транспонированием авторского «Я» и не-«Я» в образы вымыш-

¹⁹ Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (ГМИРЛИ). Ф. 156. Оп. 2. № 340.

²⁰ См. об этой практике: Поляков Ф. Алексей Ремизов и Житие протопопа Аввакума: воссоздание текста культуры в эмиграции // *Gedächtnis und Phantasma: Festschrift für Renate Lachmann* / Hrsg. S. K. Frank, E. Greber, S. Schahadat, I. Smirnov. München, 2001. S. 67–68 (*Die Welt der Slaven*; Sbd. 13).

²¹ Ср. также рассуждения о корреляциях творчества писателя и музыканта в статье: Доценко С. Н. Кто такой «музыкант Набоков»? (из комментария к книге А. Ремизова «Учитель музыки») // *Slavica Revalensia*. 2022. Vol. IX. С. 127.

²² Мотив внутреннего музыкального слуха является ключевым в двух очерках памяти Блока («Из огненной России» и «Десять лет»), написанных Ремизовым в 1921 и 1931 годах. См.: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10. Петербургский буерак. С. 323–335.

²³ В контексте дореволюционного Петербурга образ Корнетова был ориентирован на другой культурный эталон — ученого-филолога, палеографа И. А. Шляпкина (см.: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. С. 87–91).

²⁴ Ремизов А. Чинг-Чанг // *Современные записки*. 1933. Кн. 51. С. 265. См. также: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 9. Учитель музыки: каторжная идиллия. С. 437.

ленных героев. Однако в процессе создания так называемой «стоглавой повести» идея развития в литературной молодежи «музыкального слуха» (в блоковском понимании этого необходимого качества человека-артиста) сохранялась в латентном состоянии. На поверхности своего тактического плана Ремизов предлагал читателю ложные пути интерпретации его alter ego — Корнетова.²⁵ Блоковская музыкальная коннотация, ассоциированная с поэтикой и философией «парижской ноты», присутствовала в семантическом поле ремизовского замысла, в течение трех последующих лет реализованного на страницах периодической печати в главах повести (впоследствии романа) «Учитель музыки».²⁶

Насколько глубоко Ремизов был погружен в проблему становления молодых, достаточно красноречиво подтверждается содержанием его письма к Сосинскому, из которого следует, в частности, что писатель воспринимал упомянутых им Слонима и Адамовича, представителей «среднего» поколения эмиграции, как небезразличных участников общего диалога о зарубежном будущем литературной смены:

«Суббота. 20. 12. <19>30

Дорогой Бронислав Брониславович,

<...> как жаль, что не узнаю, что говорил Марк Львович в четверг. Мне кажется, что мое мнение о молодых, на которых столько у меня надежды, М<арку> Л<ьво>вичу> покажется диким; я хочу рассказать Мочульскому и когда-нибудь Адамовичу: чего я жду, и какое это будет иметь значение для русской литературы <...>

А. Ремизов».²⁷

Недосказанная в письме мысль публично была сформулирована весной 1931 года. Отвечая на анкету «Самое значительное произведение русской литературы последнего времени» в учрежденном Слонимом двухнедельнике (bimensuelle) «Новая газета», Ремизов обошелся без прямых оценок, остановившись на культурном контексте, в котором развивалась новая литература эмиграции: «Самым выдающимся явлением за пять лет для русской литературы я считаю появление молодых писателей с западной закладкой <...> устремленность к Западу, т. е. к той жизни, во всех ее видах и разнообразии, истории и современности, в которой живут молодые русские писатели, явление нормальное, и русская традиция, без которой не может быть русского писателя, ответственнейшая после Гоголя, Толстого и Достоевского, не только ничего не потеряет, а даст при талантливости писателей своеобразный вид русского письма».²⁸

Мнение писателя обнаруживает прямые корреляции с курсом редакции «Чисел», заявленным в программной статье первого сборника,²⁹ и репликой Оцуца на вечере числовцев 12 декабря 1930 года «Политика и искусство»: «...не следует ли нам, ради России, внимательно присмотреться к Западу?»³⁰

Фрагменты истории ремизовских «воскресников» дополняются письмом Н. А. Бердяева 30 декабря 1930 года, в котором, договариваясь о приезде к Ремизовым на первой новогодней неделе, отправитель называет основной повод встречи: «Как

²⁵ См. исследование одной из авторских версий: Доценко С. Н. О литературном генезисе имени героя книги А. Ремизова «Учитель музыки» // Георгий Адамович и... (К проблеме изучения культуры русской диаспоры). Посвящается памяти Олега Анатольевича Коростелева (1959–2020). Rīga, 2021. С. 124–137 (Rusistica Latviensis; [вып.] 9).

²⁶ Подробнее см.: Обатнина Е. Р. Алексей Ремизов: учитель и его ученики (к истории смыслообраза «учитель музыки» в контексте нового искусства XX в.) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2023. Т. 22. № 9. Филология. С. 105–106.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 2505. Оп. 1. № 19. Л. 49; курсивом выделены подчеркнутые Ремизовым слова.

²⁸ Ремизов А. М. <Ответ на анкету> // Новая газета. 1931. 1 Avril. № 3. С. 1.

²⁹ Числа. Париж, 1930. Сб. 1. С. 5–6.

³⁰ См. заметку о проведенных в 1930 году мероприятиях: «Политика и искусство». Вечер «Чисел» // Числа. 1931. № 4. С. 261.

и предполагалось, позовите Ваших молодых поэтов (Поплавского, Варшавского и пр.) и напишите мне, какой день будет удобнее».³¹

Малоинформативный, на первый взгляд, эпистолярный документ позволяет утверждать, что под опекой супругов Ремизовых в начале 1930-х годов завязались контакты их старинных друзей — Н. Бердяева и Л. Шестова, старших представителей русской философской мысли, — с молодежью, в творчестве которой русский экзистенциализм и эсхатологический персонализм получили самостоятельное переосмысление.³² В свою очередь, сам Ремизов был для младоэмигрантов источником рассказов о В. В. Розанове и А. А. Блоке, оказавших значительное влияние на их мировоззрение.

Положение младшего поколения русского зарубежья отчетливо напоминало Ремизову проблемы творческой молодежи, появившейся в первые послереволюционные годы в Петрограде: и те и другие нуждались в опеке и наставничестве старших. Эта модель воспитания «литературных детей», созданная в стенах петроградских «Дома искусств» и «Дома литераторов» в 1919–1921 годах, была иносказательно описана Ремизовым в его рассказе «Крюк» (1922). Суть известных институций состояла в том, что «школа» возникала в сотрудничестве «учителей», передававших молодым приемы индивидуального мастерства. Отзвуки ренессансного, по существу, культурного подъема в парижском контексте для Ремизова были явственно различимы. Так, благодаря влиянию Адамовича и Иванова, двух корифеев петербургского «Цеха поэтов», «парижская нота» утвердилась в сознании современников как «школа».³³ Во многом не без их участия молодые парижане наследовали общий строй петербургской поэзии, центральной фигурой которой, несмотря на учительство Гумилева для «Цеха поэтов», оставался Блок и его философема «дух музыки».³⁴ Именно в такой системе координат развивалось художественное мышление литературных учеников, в концентрированной форме выраженное Поплавским еще в 1930 году: «Существует только одна парижская школа, одна метафизическая нота, все время растущая — торжественная, светлая и безнадежная. Я чувствую в этой эмиграции согласие с духом музыки».³⁵ Адамович, с начала 1930-х годов культивировавший «парижскую ноту» как «школу» — единство эстетических и художественных принципов, — догадывался о молодежных журфиксах в квартире Ремизова и был не прочь узнать, что влекло некоторых из плеяды его литературных воспитанников в Булонь: «...если можно, — спрашивал он писателя весной 1931 года в личном письме, — я бы хотел к Вам приехать. Но не знаю, когда Вам удобно и когда я не стесню и не обеспокою Вас. Мне говорили, что у Вас собираются по воскресеньям. Можно ли приехать в будущее?»

Примите мой самый сердечный поклон и привет.

Преданный Вам Г. Адамович».³⁶

³¹ Amherst. Series 1. Box 23. Folder 3.

³² См.: Кибальник С. А. Экзистенциализм в русской литературе и мысли // Литературоведческий журнал. 2005. № 19. С. 131–139; Галкина М. Ю. К вопросу об имперсонализме Бориса Поплавского // Там же. 2008. № 22. С. 159–171.

³³ Подробнее об этом см.: Коростелев О. А. 1) «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции. С. 303–345; 2) Цех поэтов // Коростелев О. А. От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. С. 347–359.

³⁴ Ср. высказывание Адамовича о Блоке: «...мы, с акмеизмом и цехом в багаже, мы все-таки чувствовали, что не Гумилев — наш учитель и вожатый, а он» (Адамович Г. Собр. соч. «Комментарии» / Сост., послесловие и прим. О. А. Коростелева. СПб., 2000. С. 208).

³⁵ Поплавский Б. О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Числа. 1930. № 2/3. С. 310–311.

³⁶ Amherst. Series 1. Box 6. Folder 4.

Ремизов в журнале «Числа»: индивидуальная стратегия литературного поведения

На фоне вошедших в ремизовский литературный обиход «воскресников» с участием молодых числовцев редакция журнала довольно долго не обнаруживала налаженных контактов с писателем. На протяжении первого года издания о нем практически не вспоминали. Этот факт стал предметом двойной игры Гиппиус. В письме, адресованном супруге Ремизова, ее старинной близкой знакомой, как будто возмущаясь тому, что известный писатель обойден вниманием молодежного авторского коллектива «Чисел», влиятельная корреспондентка намеренно утрировала законы литературной иерархии: «...они должны бы на коленях выпрашивать что-ниб<удь> у А<лексея> М<ихайловича>». ³⁷ Только в четвертом сборнике, изданном под конец года, была помещена рецензия Сосинского на выпущенный с предисловием Ремизова сборник стихов безвременного скончавшегося Диксона (с. 269–270). ³⁸ В окружении супругов Ремизовых их особенное отношение к молодому поэту было широко известно. ³⁹

Ситуация изменилась в следующем, 1931-м, году. Согласно отдельным письмам Оцуа, его личное сближение с писателем совпало с уходом из журнала соредактора и фактической издательницы И. В. де Манциарли. С этого времени Оцуп был волен заняться журналом по своему усмотрению, но его творческая свобода слишком сильно зависела от финансового обеспечения. Ремизов не остался в стороне от этих проблем. Несмотря на замкнутый образ жизни, ввиду трудностей личного материального положения между ним и некоторыми меценатами установились личные отношения, благодаря которым возможна была и донорская помощь «Числам». По всей вероятности, такого рода переговоры имели место с руководительницей издательства «ТАИР» Т. С. Рахманиновой.

Только внедрение Ремизова в «закулисную» жизнь числовцев позволило ему в конце лета провести в печати акцию по рекламированию альбома «Памяти Блока» с рисунками к поэме «Двенадцать». Примечательно, что рукописная книга, созданная к десятой годовщине со дня смерти поэта, была оформлена как единственный авторский экземпляр, «выпущенный» под грифом издательства «Числа»: Alexei Remizov. La Russie en tourmente: A la mémoire d'Alexander Blok dessinés en blanc et en couleur pour illustrer du poème «Les douze». Textes russe, français et allemand. Paris, 1931. Exs. Unique (Les Éditions TCHISLA). ⁴⁰ Рисунок из рукописной книги также был опубликован в журнале «Иллюстрированная Россия» в смысловой связке с воспоминаниями Адамовича о первой годовщине смерти поэта в Петербурге. ⁴¹ Этот факт дает основания считать, что культиватор «парижской ноты» на тот момент не отделял Ремизова от авторского коллектива числовцев. Придуманный писателем прием, создававший эффект его присутствия в парижской литературной жизни, работал также и на устойчивую корреляцию между ним и журналом.

Однако для самих числовцев важнее был иной мотив союзничества с Ремизовым, тесно связанный со стремлением основных членов редакции оградить журнал от «шефства» Гиппиус, буквально навязывавшей им общественно-политические задачи. В начале августа 1931 года писатель, отдыхавший в это время в Бретани, из письма К. В. Мочульского узнал последние литературные новости: «А здесь в Париже —

³⁷ Переписка З. Н. Гиппиус с С. П. Ремизовой-Довгелло и А. М. Ремизовым (1905–1941) / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатиной // Лит. наследство. 2021. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус: В 2 кн. Кн. 2. С. 475 (письмо от 14 октября 1930 года).

³⁸ Здесь и далее в круглых скобках указываются страницы публикаций в сборниках «Чисел».

³⁹ См.: Резникова Н. Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб., 2012. С. 73–74; о ремизовских очерках памяти Диксона см.: Вахненко Е. Е. Очерки In memoriam в творческом наследии А. М. Ремизова: новонайденное «Послание» парижскому некрополю // Русская литература. 2021. № 2. С. 221–222.

⁴⁰ Подробнее об альбоме и его рекламе: Обатнина Е. Р. Неизвестная статья Константина Мочульского / Алексея Ремизова (мотивация сокрытия имени как ключ к атрибуции текстов) // Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge) / Vienna Slavic Yearbook (New Series). 2022. Bd. 10. S. 186–188.

⁴¹ Адамович Г. Литературная неделя // Иллюстрированная Россия. 1931. 15 авг. № 34. С. 18.

Ходасевич обругал Гиппиус, Гиппиус в „За свободу“ изничтожила „Числа“ и Оцуа в порошок. Мережковский Поплавского обозвал жидом. А Мандельштам и Смоленский выпускают по сборнику любовных стихов на основе личных переживаний». ⁴²

Каскад упомянутых событий, главным образом, был спровоцирован публичными и печатными выступлениями Гиппиус, в которых она сначала выделяла «Числа» как едва ли не единственный в Париже журнал, свободный от «цензуры», но в конце концов нашла повод, чтобы обвинить молодежную редакцию в тенденциозном отношении к ее литературной персоне. ⁴³ Курьезный характер позиции известного критика иронично прокомментировал Ходасевич в газете «Возрождение», заметив, что две статьи с противоречивыми коннотациями, опубликованные на страницах варшавской «За свободу!», были подписаны настоящим именем и псевдонимом Антон Крайний. ⁴⁴

Весть, принесенная Мочульским, не оставила Ремизова равнодушным. За подробностями он обратился непосредственно к Оцуу и вскоре получил ответ, определенно высвечивающий контуры отношений корреспондентов:

«12 августа 1931 Париж

Дорогой Алексей Михайлович.

К сожалению, № „За свободу“ у меня нет — кто-то зачитал.

Статья не Мережковского, а Гиппиус. Она объясняет читателям „За свободу“, какой скверный журнал „Числа“: редактор не напечатал ее заметки. На самом деле заметка (не очень уместная: о споре «Чисел» с Философовым), отложена была до следующей книги. В постскрипуме написано, что Мережковский жалеет, что поместил главу из своей книги рядом с „кошунственно-порнографическим“ романом Поплавского! ⁴⁵

Вот и все. Думаю, что все это выеденного яйца не стоит. Сам я не очень этим раздражен (удивлен скорее), но престижа ради держусь уже месяц вдали от М<ережковский>х. Что дальше, посмотрим.

А наша-то спящая царевна оказалась спящей ведьмой. Стоило будить! ⁴⁶ Скоро уеду куда-нибудь. Вернувшись, примусь за „Числа“ и сразу к Вам: соображать вместе и то, и другое (то — по части писательской, и другое — по части меценатской).

Мой сердечный привет Серафиме Павловне.

Ваш Ник<олай> Оцуп». ⁴⁷

⁴² Amherst. Box 6. Folder 8. В письме упоминаются издания: Мандельштам Ю. Верность. Вторая книга стихов. Париж: Я. Поволоцкий, 1932; Смоленский В. Закат. Первая книга стихов. 1929–1931. Париж: Я. Поволоцкий, 1931.

⁴³ Гиппиус З. Н. 1) У кого мы в рабстве? Слово, произнесенное на собрании кружка «Зеленая Лампа» // За свободу! 1931. 21 июня. № 161; 2) Четвертая цензурная дверь (О «Числах»): Письмо в редакцию // Там же. 8 июля. № 177 (под псевдонимом Антон Крайний). См. библиографию статей, собранную составителями авторитетного интернет-ресурса (emigrantika.imli.ru/rusparis/343-rom).

⁴⁴ Ходасевич В. О писательской свободе // Возрождение. 1931. 10 сент. № 2291. С. 3–4. См. также кулуарное обсуждение этого прецедента: Из переписки В. Ф. Ходасевича с Мережковскими // Вступ. статья, публ. и комм. Н. А. Богомолова // Новое литературное обозрение. 2008. № 2 (90). С. 117–118, 128–130; а также: Зиновьева Н. В. Дискуссия об искусстве и политике на страницах журнала «Числа» // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. История и филология. 2019. Т. 29. Вып. 3. С. 485–491.

⁴⁵ Неточная цитата, касающаяся публикации романа «Аполлон Безобразов». Ср. post scriptum к статье: «К моему протесту против сравнения (допущенного З. Гиппиус) журнала „Чисел“ с „Миром искусства“ — присоединяется ныне и Д. С. Мережковский. Он <...> не может простить себе, что отдал главу из новой своей книги „Иисус Неизвестный“ в „Числа“, где она в 5 № появилась в соседстве с грязными кошунствами декадентского романа Поплавского» (Крайний А. [Гиппиус З. Н.]. Четвертая цензурная дверь (О «Числах»). С. 3).

⁴⁶ Здесь в образе «спящей царевны», обратившейся в «ведьму», можно было бы предположить Гиппиус, если бы в письмах Ремизова к С. П. Ремизовой-Довгелло, относящихся к этому же времени, «спящей» не именовалась меценат и издатель Т. С. Рахманинова (ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 2. № 340).

⁴⁷ Amherst. Series 1. Box 6. Folder 7.

Не исключено, что скрытой причиной столь стремительных перепадов в оценках редакционной политики «Чисел» и лично Оцуа послужило для Гиппиус содержание выпущенного в июне очередного номера, с которого началось официальное сотрудничество Ремизова с журналом. Пятый сборник по частотности имени писателя в заголовках можно с уверенностью назвать «ремизовским». Как будто возвращаясь на полтора года назад, к 27 февраля 1930 года, когда Оцуп принял участие в обсуждении доклада Сосинского, редакция разместила текст этого выступления под названием «О Алексее Ремизове» в сокращенном виде (с. 258–262). В разделе библиографии напечатали рецензию Л. Кельберина на недавно вышедшую в издательстве «УМСА-Press» книгу «Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры» (с. 223–226).

В качестве литературной «премьеры» в составе авторского коллектива числовцев писатель подготовил рассказ «Индустриальная подкова», основная коллизия сюжета которого была локализована на проблеме психологической адаптации эмигранта в чужой языковой среде.⁴⁸ Бытовой эпизод из жизни учителя музыки Корнетова по внешним признакам отвечал ключевой теме мировоззрения «человека 30-х годов», в разных аспектах раскрытой в творчестве авторов «парижской ноты». Достижение Ремизова состояло в художественном описании экзистенциального ужаса перед случайностью в соотношении с парадигмой образа «маленького человека» в русской классической прозе.

Мастерство писателя высоко оценил профессиональный филолог А. Л. Бем, который даже выразил сожаление, что эта «вещь, настолько художественно отстоявшаяся, настолько в линии русской традиции лежащая», попала не в «Современные записки», т. е. в «журнал, традиции блюдуший», а на страницы молодежного издания с неопределенными задачами.⁴⁹ Рассматривая историю сотрудничества Ремизова с «Числами» в совокупности обстоятельств и литературных фактов, мы убеждаемся, что публикация «Индустриальной подковы» стала важным звеном в реализации идеи «воспитания» молодежи, которую писатель осмыслил, с одной стороны, в контексте литературной традиции, а с другой — жизни человека русского зарубежья. Рассказ представлял собой своего рода художественное послание, обращенное к узкой аудитории писателей-числовцев. Обратим внимание на взаимосвязь этого текста с критической рецепцией «парижской ноты» как нового явления, изменившего ситуацию литературы русского зарубежья.

А. Л. Бем, отмечая преемственность ремизовского Корнетова героям Гоголя и Достоевского, в своей рецензии на «Индустриальную подкову», несомненно, заметил, что в рассказе была предъявлена художественная контроверза решению темы «жалости», которая стала едва ли не визитной карточкой числовцев.⁵⁰ Так, Поплавский охарактеризовал звучание, по его выражению, «новой ноты» парижской литературы как «мистическую жалость к человеку».⁵¹ Однако эта морально-нравственная категория у авторов круга «Чисел» была лишь одной из эмоциональных «красок» в тусклой палитре жизни, лишенной надежд. Ремизов, пристально следивший за первыми шагами числовцев и оценками их оппонентов, в «Индустриальной подкове» показал оборотные стороны образа «жалкого человека» и чувства «жалости». В подтекстах художественного произведения он искусно инкорпорировал основные

⁴⁸ Исследование рассказа в этом ракурсе см.: *Слобин Г.* Двойное сознание и двуязычие в рассказе А. М. Ремизова «Индустриальная подкова» в контексте журнала «Числа» // *Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу, 1920–1940.* С. 326–347.

⁴⁹ См. об этом: *Бем А.* «Числа» // *Руль.* 1931. 30 июля. № 3244. С. 2. См. также: *Бем А. Л.* Письма о литературе. = *Bém A. L. Dopsis o literatuře* / Сост. и автор предисловия М. Бубеникова и Л. Вахаловска. Praha, 1996. С. 70–71.

⁵⁰ *Бем А.* «Индустриальная подкова» Алекс. Ремизова // *Руль.* 1931. 13 авг. № 3256. С. 2–4. См. также: *Бем А. Л.* Письма о литературе. С. 80–81. Ср. разбор рассказа Адамовича в статье Беа «Числа» (см. прим. 49) как апологии «пассивного сожаления»: Там же. С. 72–73.

⁵¹ *Поплавский Б.* О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // *Числа.* 1930. № 2/3. С. 310–311.

интерпретации эстетической программы «Чисел», известные по трем критическим статьям, появившимся в печати одна за другой весной 1931 года.⁵²

Несмотря на отмеченный в критике успех «Индустриальной подковы», среди читателей журнала кульминацию пятого сборника создал не этот художественный «урок», преподнесенный числовцам,⁵³ а две ремизовские реплики публицистического звучания, в которых заключалась декларация личных принципов творчества. Небольшие печатные выступления, размещенные в хроникально-библиографической части журнала, на наш взгляд, указывают на особое положение Ремизова в ряду других сотрудничавших с журналом беллетристов. Первое из них было даже выделено в самостоятельную авторскую публикацию под названием «Для кого писать?» и сопровождалось редакционным примечанием, из которого следовало, что писатель являлся непосредственным инициатором дискуссии: «Редакция „Чисел“, считая поставленный А. М. Ремизовым вопрос интересным и важным для современной литературы, обращается к читателям с предложением высказаться по этому поводу...» (с. 283).

По сути, Ремизов получил эксклюзивное право вынести в поле публичного внимания вопрос о целях творчества и их рецепции, по всей вероятности, обсуждавшийся на одном из «воскресений» в Булони. Высказанная писателем формула его литературного кредо была настолько принципиальной, что он завершил ею авторские комментарии в изданной ранней весной того же года книге, посвященной исследованию культа св. Николая: «То, что пишется, пишется не для кого и не для чего, а только для самого того, что пишется. И если результат работы хоть в какой-то мере приближается к замыслу, задача исполнена. А понятно это или непонятно, к делу не относится, потому что, как нет одного понимания, так нет одной оценки — на всех не угодишь».⁵⁴

Поднятая Ремизовым тема, в условиях ограниченного книжного рынка русской эмигрантской литературы тесно связанная с тенденцией к утилитаризации художественного творчества, его подстраиванием под запросы «среднего» читателя, — не могла возникнуть на пустом месте. Вероятнее всего, поводом послужила рецензия В. Набокова-Сирина на вторую книгу журнала «Воля России» за 1929 год.⁵⁵ Опуская здесь описание истории взаимной неприязни двух известных писателей,⁵⁶ выскажем предположение, что в центре внимания Ремизова и его литературных учеников оказалось мнение, небрежно оброненное по поводу публикации М. И. Цветаевой «Несколько писем Райнер Марии Рильке». Сирин со свойственной ему «заносчивостью» (З. Шаховская) заявил: «Статьи я не понял, да и, кажется, понимать ее не нужно: М. Цветаева пишет для себя, а не для читателя, и не нам разбираться в ее темной нелепой прозе».⁵⁷

Реплика, как будто вырвавшаяся из авторского подсознания в конце книги «Образ Николая Чудотворца», вызвала неоднозначную реакцию как среди писателей старшего поколения, так и среди молодых. Уже 15 апреля в «Новой газете» появилась статья

⁵² Слоним М. О «Числах» // Новая газета (Париж). 1931. 15 мая. № 2. С. 3–4; Поплавский Б. О смерти и жалости в «Числах» // Там же. 1 Avril. № 3. С. 3; Бем А. «Числа». С. 2.

⁵³ Впервые на скрытое значение рассказа как «урока» мастерства, адресованного молодым писателям, указала в своей статье Г. Слобин (см. прим. 48).

⁵⁴ Ремизов А. М. Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры. Париж, 1931. С. 90. См. также: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2001. Т. 6. Лимонарь. С. 649. Для истории публикации Ремизова в пятой книге «Чисел» существенно, что авторские комментарии в книге «Образ Николая Чудотворца» были датированы 2 марта 1931 года.

⁵⁵ Рецензия явилась первым шагом к конфронтации Сирина с частью парижской молодежи, группировавшейся вокруг «Воли России» и образованного на следующий год журнала «Числа». О литературной расправе с представителями «парижской ноты» см.: Мельников Н. «До последней капли чернил...»: Владимир Набоков и «Числа» // Мельников Н. О Набокове и прочем. М., 2014. С. 36–58.

⁵⁶ Подробнее см.: Доценко С. Н. 1) «Несвоевременная рокировка»: А. Ремизов глазами В. Набокова // Культура русской диаспоры: Знаки и символы эмиграции: Сб. статей / Ред. А. А. Данилевский, С. Н. Доценко. М., 2015. С. 193–205; 2) Кто такой «музыкант Набоков»? С. 133–136; Обатнина Е. Р. «Другой» Набоков vs Набоков-Сирин: об одном случае упоминания в романе Алексея Ремизова «Учитель музыки» // Studia Litterarum. 2023 (в печати).

⁵⁷ Сирин В. «Воля России». 1929, кн. II (Литературный отдел) // Рulь. 1929. 8 мая. № 2567. С. 4.

М. Осоргина «О простоте», в которой утверждалось, что взаимообратная связь между писателем и читателем обязывает искусство быть «понятым». В этой задаче, по мнению автора, состоит непреложный закон художественного творчества.⁵⁸ Можно было бы отнести статью известного беллетриста к отвлеченным размышлениям, если бы Осоргин, не называя настоящий источник, не указал на Ремизова как на писателя «непонятого», затрудняющего читательскую рецепцию.

Давно в писательском мире не велось столь жарких, сугубо профессиональных споров, в особенности важных для поколения «литературных детей». Именно поэтому эмоциональный пассаж Ремизова о целях творчества, изначально спровоцированный Набоковым, в пятом сборнике «Чисел» был опубликован в расширенном виде под заголовком «Для кого писать?» в качестве «ответа» Осоргину (с. 284–285).⁵⁹ Позиция Ремизова оказалась ультранезависимой как для старших, так и для младших. Роль единственного оппонента Ремизова от молодежи взяла на себя писательница Е. Бакунина, в ответе которой явственно вскрылся комплекс сомнений начинающего писателя, не уверенного в своем призвании.⁶⁰

Другая, отчасти взаимосвязанная тема, выдвинутая в пятых «Числах» на литературное обсуждение, касалась писательской авторефлексии. Предложение высказаться по вопросу «Что Вы думаете о своем творчестве?» прозвучало в официальном письме, присланном Ремизову в первых числах апреля 1931 года:

«Глубокоуважаемый Алексей Михайлович,

В интересах наиболее жизненной оценки произведений современных русских писателей мы решаемся обратиться к самым авторитетным критикам их творчества — к ним самим.

Мы были бы вам чрезвычайно благодарны. Если бы Вы согласились со всей возможной откровенностью ответить на вопрос нижеследующей анкеты:

Что Вы думаете о своем творчестве?

Не откажите прислать ответ по адресу редакции, не позднее 5 апреля.

Заранее благодарим,

Секретарь редакции Лаз<арь> Кельберин».⁶¹

И вновь Ремизов проявил нестандартный подход к инициативе молодежной редакции. Вместо ожидаемых откровений он адресовал числовцам прямой упрек: «Чего я буду говорить о своем творчестве, когда читатели „Чисел“ ничего не слыхали о моих книгах», — начал Ремизов свой ответ и закончил библиографическим списком последних произведений (с. 287–288). Непредсказуемый жест литературного поведения был обращен не только к редакции, но и к некоторым «младшим», выбравшим путь профессионального литературоведения.⁶² Именно с ними писатель связывал надежды на переориентацию критического анализа от политики к исследованиям особенностей

⁵⁸ Осоргин Мих. О простоте // Новая газета (Париж). 1931. 15 Avril. № 4. С. 3–4.

⁵⁹ Ремизовский текст здесь предварялся фрагментом статьи Осоргина «О простоте». Подробнее о значении дискуссии для раскрытия творческого метода Ремизова см.: Обатнина Е. Р. А. М. Ремизов: личность и творческие практики. С. 23–25; а также в комментариях А. М. Грачевой к публикации рабочих тетрадей писателя конца 1940-х годов: Ремизов А. М. Как научиться писать / Публ. и прим. А. М. Грачевой // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 273–274 (Collana di Europa Orientalis; [вып.] 4).

⁶⁰ Числа. 1931. № 6. С. 255–256.

⁶¹ Недатированное письмо, на обороте которого сохранился черновой набросок ответа Ремизова (Amherst. Series 1. Box 11. Folder 23), по содержанию совпадающий с печатной редакцией.

⁶² Шаблоны эмигрантской журналистики и тенденциозность литературной критики Ремизов в юмористических тонах описал в рассказе «корнетовского» цикла «Юнёр» (Сатирикон. 1931. 15 авг. № 20. С. 10–13; 22 авг. № 21. С. 7–8, 10). Оценки писателя коррелируют с тремя статьями Бема, опубликованными с апреля по май 1931 года в газете «Руль» под общим заголовком «О критике и критиках» (Бем А. Л. Письма о литературе. С. 33–46), в которых раскрыты основные проблемы и недостатки профессиональной рецепции.

современного художественного дискурса. Подтверждением не только общей, но и глубоко личной проблемы служит фраза из письма Ремизова к жене. Упомянув имя известного литературоведа, печатавшегося в «Числах» и причастного к кругу его воскресной «школы», Ремизов писал 1 июля 1932 года: «...я много раздумывал. Ведь вот еще беда в чем, что не читают. Это мне Алферов сказал про Вейдле, что Вейдле не читал „По карнизам“, я убежден в этом. Иначе бы он непременно заговорил о новой форме повествования».⁶³

Тем временем обсуждение литературных принципов в ближайшем окружении Ремизова не затихало. По выходе пятых «Чисел» Осоргин, не на шутку задетый ремизовским Я-центризмом, проявившимся по совокупности в обеих анкетах, в июльском личном письме продолжал дискутировать, обвинив своего приятеля в пагубном влиянии на младшее поколение: «Зачем морочить молодежь красивыми формулами, лишёнными смысла: творят во имя творчества, но для живых людей. И Вы пишете и печатаете свои книги для читателя. <...>. Результат Вашего кокетства и Ваших красивых слов налицо: вон уже и Поплавский желает презирать публику, иными словами — только о ней и думает, только ее и хочет порадовать (см. его ответ на анкету);⁶⁴ а у него еще и публики нет».⁶⁵

Подобная постановка вопроса о целях творчества в ракурсе отношений «отцов и детей» косвенно подтверждала роль Ремизова в творческом становлении числовцев. Заданный писателем в анкетном ответе «Для кого писать?» посыл о неоднородности читательской рецепции по наитию подхватил молодой критик, который, очевидно, под впечатлением дискуссии о «понимании» и «простоте», отозвался в пятых «Числах» на книгу «Образ Николая Чудотворца», сказав, что она доступна лишь «посвященным сердцем» (с. 224).⁶⁶

К концу 1931 года участие Ремизова в делах редакции «Чисел» по-прежнему оставалось в тени, однако фактические события указывают на укрепление его статуса. Так, 18 декабря в галерее «L'Époque» открылась выставка рисунков писателей из частных русских и французских коллекций. В отчетной заметке Оцуп обозначил культурно-исторический размах мероприятия именами известных представителей двух культур — «от Гюго и Жуковского до Ремизова, Валери и других» (№ 6, с. 254).⁶⁷ Сама идея подобной экспозиции, предоставлявшей «Числам» шанс на финансовую поддержку меценатов, не могла возникнуть без ремизовской инициативы, в частности связанной с упомянутым нами выше альбомом «Памяти Блока». В письме одному из своих корреспондентов писатель пояснял «гриф» журнала, вынесенный на рукописную обложку: «„Числа“ потому, что осенью выставку устраивают „рисунки французских и русских писателей“».⁶⁸ В авторской стратегии Ремизова начиная с 1930 года рисование и рукописная книга становятся неотъемлемой частью творчества, с одной стороны,

⁶³ ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 2. № 340.

⁶⁴ Речь идет об ответе Поплавского на анкету «Что вы думаете о своем творчестве», в которой, в частности, высказана мысль о том, что «уступка публике» ведет к «духовной смерти» писателя (Числа. 1931. № 5. С. 287). См. также о развитии темы читателя в творческих рефлексиях Поплавского: Токарев Д. В. «Бутылка в море»: Б. Поплавский и А. де Виньи // Западный сборник: В честь 80-летия Петра Романовича Заборова / Сост. М. Э. Маликова, Д. В. Токарев. СПб., 2011. С. 369–374.

⁶⁵ Amherst. Series 1. Box 6. Folder 4.

⁶⁶ Впервые отклик Кельберина появился в газете «Россия и славянство» уже 14 марта 1931 года.

⁶⁷ Ср. также анонимную заметку «Выставка писателей-художников», анонсирующую вернисаж: «Завтра в 9 час. вечера под председательством Гастона Раже, председателя союза писателей, состоится открытие выставки писателей-художников, организованной „Числами“». На выставке рисунки и картины: Бодлера, А. Белого, Валери, Верлена, Т. Готье, Гоголя, братьев Гонкуров, Гумилева, Гюго, Жуковского, Жорж Занд, Лермонтова, Мериме, Мюссе, Пушкина, Ремизова, Стендаля, Тургенева, Чехова и др.» (Последние новости. 1931. 17 дек. № 3921. С. 3).

⁶⁸ Письма А. М. Ремизова к В. В. Перемиловскому / Вступ. статья и комм. А. М. Грачевой; подг. текстов Т. С. Царьковой // Русская литература. 1990. № 2. С. 216; в комментарии вкралась ошибка датировки выставки.

и своеобразным вызовом издательствам, отказывающим ему в публикациях, с другой.⁶⁹ «Числа» в этом ряду стали исключением, поддержавшим его борьбу за выживание.

«Шиш еловый»: учитель музыки vs Адамович

В январе 1932 года, несмотря на все попытки сохранить журнал, редакция стояла на грани закрытия. О сложившемся патовом положении Ремизов сообщал Николаю Зарецкому: «Относительно дальнейшего существования „Чисел“ ничего нельзя сказать: нет денег для издания — гонорары не платят, но в типографию <сдать — ?> необходимо».⁷⁰

Следующий сборник действительно готовился, и Ремизов, не рассчитывая на материальное вознаграждение, принял в нем самое активное участие. Редакция вновь предоставила писателю возможность самореализоваться во всех основных направлениях творчества: и как прозаику (рассказ «Шиш еловый» из корпуса текстов об автобиографическом герое Александре Александровиче Корнетове), и как историку русской литературы (очерк «Пятидесятилетие со смерти Тургенева: Тургенев-сновидец. 28.X.1818 — 22.VIII.1883»), и в ипостаси литературной личности Василия Куковникова, уже известного по другим публикациям и рассказам «корнетовского» цикла. Обычно этот персонаж появлялся на страницах зарубежной печати с литературной критикой и рецензиями на сочинения своего прототипа. На сей раз это была заметка «Рукописи и рисунки А. Ремизова», проиллюстрированная двумя графическими миниатюрами «Метелица» (1922) и «Лунь-птица» (1925). В мае 1933 года, когда вышел в свет девятый сборник, контакты Ремизова с числовцами имели продолжение: на rue Jacques-Mawas, в редакции журнала, состоялся «Тургеневский вечер». Первоначально предполагалось, что писатель представит написанный для девятой книги юбилейный очерк, но за отсутствием времени он читал из произведений классика.⁷¹

Рассказ «Шиш еловый» заключает в себе особый случай литературной рефлексии. В центре сюжета — история конфронтации Ремизова с парижскими критиками и литераторами по вопросу о целях творчества. Журнал здесь получил название «Мысли» с аллюзией к названию сочинения Блеза Паскаля «Мысли о религии и других предметах» («Pensées sur la religion et sur quelques autres sujets»). Скрытая отсылка подчеркивала общую тенденцию числовцев к философскому осмыслению бытия тех, кого Р. Гуль назвал «в рассеянии сущими».⁷² Рядовым представителем диаспоры Ремизов изобразил и себя в проекции, построенной от авторского «Я», и в то же время — с внешней точки зрения на его литературную личность. Таким образом, на страницах девятого сборника творческое кредо Ремизова получило разностороннее отражение в авторефлексии и рецепции. Рассказ «Шиш еловый» начинался с характеристики литературного alter ego писателя: «Корнетов терпеть не мог начатых и незаконченных дел. Незаконченные постройкы, недописанные строки, на полуслове остановившийся разговор, — все, где не хватает воли и выдумки, вызывало в нем возмущение».⁷³

⁶⁹ Подробнее см.: *Обатнина Е. Р.* Неизвестная статья Константина Мочульского / Алексея Ремизова. S. 14–15. Ср. также письмо Ремизова от 14 июля 1931 года: «Сейчас такое положение: чтобы издать книгу, надо внести деньги, иначе никакая фирма не соглашается, т<о> е<сть> дать 6–10.000 frs. За очень редким исключением так и издаются книги. У нас нет денег и я перехожу в первобытное состояние, т<о> е<сть> в 1921 год. В Петербурге мы издавали свои книги в единственном экземпляре (к великому удовольствию библиофилов). Книга стоила 5.000 руб<лей>, т<о> е<сть> 1 фунт хлеба. И я затеял издавать книги, как в 1921, в единственном экземпляре. Продать тут трудно. Но все равно, чтобы как-то заявить о своем существовании» (Письма А. М. Ремизова к В. В. Перемилловскому. С. 216).

⁷⁰ Литературный архив музея национальной литературы (Прага). Фонд Н. В. Зарецкого.

⁷¹ Там же.

⁷² Ср. характеристику автобиографического героя: «Василий Петрович Куковников не писатель, он лишь в „рассеянии сущий“, с Берлина басни пишет...» (цит. по: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 9. С. 304).

⁷³ Там же. С. 294.

Глубоко личная мотивация вновь актуализировала тему «Для кого писать?», затронувшую коренной принцип свободного творчества, и, как выяснилось по реакциям Осоргина и Бакуниной, осталась непонятой ни старшим поколением литераторов, ни младшим. Литературный «манифест», изложенный в пятых «Числах» в форме публицистического выступления, теперь Ремизов представил в развернутой художественной форме, объясняя свою позицию примерами из многовекового творческого опыта от Горация до Л. Шестова. Числовцы и литературные друзья журнала под вымышленными и настоящими именами вошли в историю литературы, увидев себя в зеркале художественного мира признанного мастера слова. Получилось, что писатель приготовил своим молодым друзьям особый «подарок» — беллетризованную летопись значимых событий прожитого вместе отрезка жизни. Однако уже в первых строках рассказа в связи непосредственно с Адамовичем, и шире — в связи с утраченной возможностью создать единую зарубежную ветвь русской литературы,⁷⁴ прикрываясь комическим ригоризмом учителя музыки Корнетова, он возмущался факту библейской истории о Вавилонской башне: «В последнюю минуту <...> общий язык потеряли, кто в лес, кто по дрова, и пропало дело...».⁷⁵

Действительно, как мы помним, еще в 1930 году Ремизов надеялся на диалог с поэтом и критиком. Тем не менее все предпосылки к разговору о будущем зарубежной русской литературы были перечеркнуты подтекстом рассказа «Индустриальная подкова», явственно спроецированным на суждения А. Л. Бема — открытого противника эстетической программы «парижской ноты». Хуже всего в этой ситуации было то, что Адамович не мог не чувствовать себя оскорбленным после статьи пражского литературоведа, в которой было выражено «почти физиологическое отталкивание», связанное с критическим методом автора знаменитых «Комментариев».⁷⁶

Очевидная демонстрация «учительской» позиции сначала в «Индустриальной подкове», а затем и в новом рассказе Ремизова также болезненно задевала самолюбие Адамовича, возлагавшего на журнал большие надежды в плане создания поэтической школы зарубежья под личным началом. Ничего удивительного, что по выходе из печати девярых «Чисел» известный покровитель числовцев приложил усилия к устранению писателя из журнала, обратив его манеру апеллировать к недружественной критике против него самого. Уже 29 июня в «Последних новостях» появилась очередная рецензия, в которой наставник «парижской ноты» внезапно солидаризовался с мнением своего недоброжелателя. Будто вторя Бему, назвавшему пятую книгу, в которой Ремизову было уделено значительное внимание, победой «эмигрантского благодушия»,⁷⁷ Адамович высказался в том же духе и о девятой книге, советуя «числовцам» держаться единой эстетики и отдавать предпочтение молодым дарованиям ради сохранения в журнале уже созданной общности: «Поиски же и пробы уничтожают ту духовную атмосферу, которая в „Числах“ могла бы создаться при большей сплоченности, большем напряжении и единстве... Правда, ее нарушают и некоторые другие авторы, с которыми редакция в своем благодушном эклектизме гостеприимна: авторы, может быть, и очень талантливые сами по себе, но чуждые „Числам“ в основных своих устремлениях».⁷⁸

В число «нарушителей», скромный список которых возглавил Ремизов, как следовало ожидать, не попала представительница старшего поколения Гиппиус, хотя ее литературному дарованию в девятом сборнике также нашлось место. Раскрывая свой кондуит, критик писал: «Рассказы А. Ремизова, И. Демидова и А. Бурова»⁷⁹ принадле-

⁷⁴ Ср. реплику из заметки о группе «Кочевье», приписываемой Ремизову: «Печалятся „кочевники“ о том, что им до сих пор еще не удалось создать единого фронта в эмигрантской литературе» (*Омир-Омар* [Ремизов А. М.?). В литературных объединениях: «Кочевье» // Новая газета (Париж). 1931. 15 Mars. № 2. С. 8).

⁷⁵ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 294.

⁷⁶ Бем А. «Числа». С. 2; цит. по: Бем А. Л. Письма о литературе. С. 72–73.

⁷⁷ Там же. С. 69.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Об отношениях рецензента с писателем см.: «Мы с Вами очень разные люди»: Письма Г. В. Адамовича А. П. Бурову (1933–1938) / Публ. О. А. Коростелева // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2007. Вып. IX. С. 325–354.

жат к той категории, которую для „Чисел“ надо охарактеризовать как случайную, „гастрольную“ <...>. Разумеется, случайность не стоит ни в какой связи с достоинствами или недостатками произведений названных авторов, она определяется только их складом». ⁸⁰

В редакции «Чисел», принявшей рассказ к печати, как представляется, весело восприняли ремизовские эскапады, например напоминающие о скандале вокруг глумокомысленных сентенций из романа «Аполлон Безобразов», вершиной безвкусицы которых был признан пассаж о жалости «к самому себе», в свое время вызвавший пуританское возмущение супругов Мережковских. ⁸¹ Реагируя на художественные вольности Поплавского, Ремизов привел добродушный анекдот из реальной жизни, будто бы рассказанный Шестовым, о восхищении киевского телеграфиста Васи Кабанчика своим физическим совершенством. ⁸²

С другой стороны, обратив «зеркало» ремизовского рассказа на критическую рецензию «парижской ноты», литературная молодежь наверняка заметила предложенную писателем альтернативу распространенным обвинениям в упадничестве. С этой точки зрения особенно удачными могли им показаться наставления учителя музыки его ближайшему последователю и ученику Полетаеву, оказавшемуся, как и сам писатель, на грани выживания. ⁸³ Снова возвращаясь к образу Вавилонской башни, Ремизов писал не столько о морали человеческого «общечития», сколько подразумевал разобщение русской творческой колонии на почве идеологических подоплек. Исходя из собственного опыта, он обращался к «младшим», нередко полагающимся на «прописи» литературных авторитетов, отказываясь от самостоятельного пути проб и ошибок: «...Корнетов не выносил, как говорили в старину наши общественные дамы, „кислых физиономий“. Человека, впадавшего в уныние, он презирал. „Уныние“ связывалось у него ни с каким грехом, как это в исповедальных требниках <...>, а только с достоинством человека, который все-таки оставался и после вавилонского позора носителем гордой мечты о „своеволье“ и еще мог на многое „поспеть“». ⁸⁴

Казалось бы, Адамовичу ничего не стоило, как прежде, не реагировать на скрытые в рассказах «Индустриальная подкова» и «Шиш еловый» отсылки к выпадам против него, однако на сей раз создались особые условия, заставившие его увидеть в Ремизове конкурента, претендующего на роль учителя парижской молодежи. Несколькими днями ранее была опубликована статья Д. В. Философова, повлиявшая на срыв дипломатически выдержанных отношений. Дело в том, что варшавский критик, прежде весьма снисходительно отзывавшийся о литературных амбициях парижского журнала и до сих пор разделявший взгляды Гиппиус на уклоняющихся от политики числовцев, после девятого сборника кардинально изменил свое отношение к авторскому коллективу. По его определению, «салонная» форма, в которой долгое время подавалась эстетика и литературные цели «Чисел», приобрела иной облик и содержание, благодаря сотрудничеству с Ремизовым. Подразумевая мировоззренческую общность писателя с экзистенциальными исканиями Поплавского, Шаршуна и Фельзена, он подчеркивал: «У Ремизова, Бориса Поплавского с братией <...> есть утверждение воли к бытию подлинному». ⁸⁵

⁸⁰ Адамович Г. «Числа». Книга IX // Последние новости. 1933. 29 июня. № 4481. С. 4.

⁸¹ См. прим. 45.

⁸² Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 301. Критика эпатажного эпизода из романа Поплавского прозвучала в статье Бема «Числа». См.: Бем А. Л. Письма о литературе. С. 73.

⁸³ В письме Б. П. Вышеславцеву Ремизов делился мыслями о своем положении в парижских журналах и о сложившейся издательской политике, снижающих уровень читательского запроса, ориентируясь, по словам писателя, на «какого-то воображаемого читателя», который требует «нелепых зрелищ». «Получилась, — резюмировал он, — невероятная вещь: я попал в разряд каких-то тяжелых преступников, которые не имеют не только права голоса, НО И ПРАВА СУЩЕСТВОВАНИЯ» (Ремизов и YMCA-Press: Переписка 1925–1932 годов / Публ. и комм. О. Раевской-Хьюз // Вестник Русского Христианского Движения (Париж). 2005/2006. № 190 (1). С. 297–298).

⁸⁴ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 296.

⁸⁵ Философов Д. В. Содержание и форма // Молва. 1933. 23 июня. № 141 (364). С. 2. Ср. также статью «Обращаем внимание...», вероятно также принадлежавшую перу Философова (За

Обращаясь к рецензии Адамовича, отметим, что вовсе обойти молчанием понятные числовым подтексты рассказа ему не удалось, зато он таким образом расставил акценты критического дискурса, что все усилия Ремизова были буквально обнулены. Критик писал: «Ремизовский „Шиш еловый“ полон тех намеков и междустрочных полемических выпадов, которые останутся непонятными рядовым читателям, но легко, — и не без удовольствия, конечно, — расшифруются людьми близкими к „кулисам литературы“». Очень хороша глава о Шестове <...> в ней прельщает основной тон: любовное и благодарное признание <...>. За это хочется простить Ремизову все то, что он в „Шише еловом“ написал лишнего».⁸⁶

В девятом номере, как верно подметил и сам Адамович, пытаясь создать конфронтацию между Ремизовым и редакцией, писатель противопоставил эстетизму молодежного журнала отчетливый образ другого мировидения. Покровитель «парижской ноты» даже пошел на косвенное противоречие собственным признаниям, высказанным буквально полгода назад. Рассуждая о редакционном принципе «творческого доверия» к некоторым писателям «с именами» («сравнительно редким гостям»), в рецензии на выпущенный в январе 1933 года сборник № 7–8, он подразумевал Ремизова.⁸⁷ Долгосрочность «кредита» числовцев, оказанного писателю, со всей очевидностью подтвердила девятая книга. Следовательно, для ремизовского выступления в девятих «Числах» менее всего подходило позаимствованное критиком из артистического лексикона определение «случайная гастроль». В журнале состоялся настоящий «бенефис», организованный редакцией, а для самого писателя, ассоциировавшего себя с собственным литературным двойником — учителем музыки, его «последний урок» числовцам.

Дискуссионная же тактика Адамовича в его оценках ремизовского рассказа «Шиш еловый» строилась из расчета уже не на творческое, а на читательское доверие к суждениям авторитетных парижских рецензентов. В результате подмены положительных коннотаций только что опубликованного отзыва Философова на отрицательные Ремизов предстал писателем не только «чуждым» эстетике «Чисел», но и «виноватым» со всех сторон: как перед «средним» читателем, далеким от «литературного закулисья», так и перед цеховым собратом, благосклонно «прощавшим» писателю его «чуждачества».

Примечательно, что отлитый в чугуна критической рецепции шаблон, согласно которому Ремизову приписывалось амплу литературного «чудака», не различающего границ между жизнью и искусством, приобрел более осмысленную интерпретацию в рецензии одного из самых молодых представителей второго поколения русской эмиграции — харбинского поэта Н. А. Щеголева (1910–1975; псевдоним Н. Зерцалов), дебютировавшего с публикацией стихотворения в девятих «Числах». В рецензии, написанной на этот же номер журнала, он охарактеризовал проблему внешнего восприятия творчества писателя как конфликт прогнозируемой реальности и экстраординарного сознания: «Ходит взъерошенный Ремизов по Парижу, собирает анкету: „для кого писать?“ — и странное охватывает вас состояние при виде этого чудака, наделенного величайшим словесным мастерством. И не жалкий он, и все понимающий он, но чудной. Чудной — вот в чем трагедия Ремизова, глубокая — потому что почти недоступна глазу — трагедия».⁸⁸

Как показывает история взаимоотношений Ремизова с журналом, писатель остался глубоко разочарован реальными результатами издательского проекта, претендовав-

свободу! 1931. 21 июня. № 161 (3495). С. 5), в которой Милюков и Адамович осуждались как деморализаторы литературных вкусов эмиграции. См. также: Обатнина Е. Р. Дмитрий Солунский и Алексей Человек Божий о литературных «чадах» (новонайденные дополнения к истории эпистолярных контактов Д. В. Философова и А. М. Ремизова) // Русский модернизм и его наследие. Коллективная монография в честь 70-летия Н. А. Богомолова / Под ред. А. Ю. Сергеевой-Клятис, М. Ю. Эдельштейна. М., 2021. С. 460–480.

⁸⁶ Адамович Г. «Числа». Книга IX. С. 4.

⁸⁷ Адамович Г. «Числа». Книга 7–8. С. 2.

⁸⁸ См.: Зов Н. [Щеголев Н. А.]. Числа IX. Париж // Чураевка (Харбин). 1933. 14 нояб. № 4 (10). С. 4.

шего на оформление нового литературного направления. В этом смысле название рассказа, согласно сюжету, ассоциированное с деятельностью автобиографического героя-неудачника Полетаева, полисеманлично.⁸⁹ Одно из значений диалектного выражения «шиш еловый» не только явственно контрастирует с признанным эстетизмом «Чисел», но предстает денотатом неоправдавшихся ожиданий, связанных с журналом и творческими амбициями собравшейся вокруг него литературной группы. Ближайшим просторечным эквивалентом ремизовского названия является слово «кукиш».

Рассказ «Шиш еловый» в стратегии Ремизова исполнил функцию литературного «наставления», адресованного числовской молодежи. Специальный пассаж здесь посвящался воскресным встречам, приостановленным осенью 1932 года: «Корнетов рвал и метал. <...> его, как он выражался, индивидуальность попорана: с осени отменив воскресенья, он был убежден, что приток посетителей урегулируется и получится отбор — без налетчиков, да сначала так оно и было, но с течением времени в назначенные вечера стали приходиться не только те, кому было назначено, а еще и те, кому сами назначенные от себя назначали для каких-то своих целей, и получилось такое безобразие, как в прошлую зиму, когда комната Корнетова обратилась чуть ли не в дом свиданий».⁹⁰

О переменах, наступивших в Булони, с сожалением узнавали некоторые гости, бывавшие в Париже наездами. Так, С. П. Ремизова-Довгелло накануне визита З. А. Шаховской сообщала о взятой писателем паузе, ссылаясь на некие непреодолимые обстоятельства: «..., Воскресенья“ отменены уже с сентября по некоторым важным причинам, о которых на словах сказать надо, сейчас трудно писать. Вы уже в воскресенье никого не встретите, но зато если хотите именно к нам, то так и лучше».⁹¹

«Под занавес» своего сотрудничества в журнале Ремизову пришлось признать, что его «воскресная» школа для молодежной группы с участием числовцев постепенно утратила свою актуальность. Так же, еще в начале 1930-х ему казалось, что идея повести «Учитель музыки» как документальной летописи литературной жизни, создававшейся буквально с натуры, не была оценена по достоинству современниками. В ответ на свои наблюдения писатель лишь изредка находил единодушную с ним реакцию. Отчасти вследствие «глухоты» литературного большинства и личных притязаний «старших» не состоялся и союз «учителей» литературной молодежи. Не случайно ситуация вокруг девярых «Чисел» зафиксировала форму двойственных личных отношений Ремизова и Адамовича, сохранившуюся на всю оставшуюся жизнь.⁹²

Ремизовский план стать «учителем музыки» для писателей «парижской ноты» не удался. Тем не менее в том же году контакты с молодежью возобновились в порядке индивидуальных встреч и переписки.

Примечательно, что во второй половине 1940-х годов, вспоминая числовцев и, возможно, «школу» в Булони, Ремизов был строг в оценках и самых одаренных представителей «парижской ноты» выделял среди прочих по эталону «абсолютного музыкального слуха». Как о значительном явлении в поколении «литературных детей» русского зарубежья первой волны, он писал о Поплавском: «Талантливый, единственный из всех „молодых“ здешних, теперь бы ему было лет 50. С душой, с чувством, с сердцем, с умом, с глазом и слуху довольно».⁹³

⁸⁹ Слово *шиш* используется в диалектах как для прямого обозначения *шишки*, так и для метафорических характеристик *никчемного человека, разбойника, черта, голи перекатной*.

⁹⁰ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 296–297.

⁹¹ Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения / Вступ. статья П. Алешковского. М., 1991. С. 136 (письмо от 29 мая 1933 года).

⁹² Ср. поздние высказывания Адамовича о Ремизове, в которых творчество старшего писателя называется литературной профанацией, а он сам неисправимым «хитрецом» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Под ред. Л. М. Сурица. М.; Берлин, 2016. С. 162).

⁹³ Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2023. Т. 17. С. П. Р.-Д. Девятикишние памяти. Книги I–V. С. 260.